

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

О ПРАРОДИНЕ ВСЕХ ТЮРКОВ И МОНГОЛОВ: «ЭРГЕНЕКОН», «ЭРГУНЭ-ХУН» ИЛИ ТАННУ-УРЯНХАЙ?

Н. В. Абаев¹

Аннотация: В статье в результате критического анализа теорий бурятских ученых Б. Р. Зориктуева, С. Ш. Чагдурова, П. Б. Коновалова о местоположении легендарной прародины «всех монголов» Эргунэ-Хун автор делает вывод о том, что это место находилось не на территории Маньчжурии («аргуньская версия» Зориктуева) или Западной Бурятии (Чагдуров, Коновалов), а на территории Урянхая (современной Тувы).

Ключевые слова: история, этнография, гипотеза, аргументы, этнонимы, древние тюрки, монголы, Эргунэ-Хун, Урянхай, Тува, Монголия.

ABOUT ANCESTRAL HOMELAND OF ALL THE TURKS AND MONGOLS: "ERGENEKON", "ERGUNE-KHUN" OR TANNU-URYANKHAY?

N. V. Abayev

Abstract: Having critically analyzed the theories of Buryat scientists B.R.Zoriktuyev, S.Sh.Chagdurov, P.B.Kononovlov about the location of legendary ancestral homeland of "all Mongols" Ergune-Khun, the author of the article makes a conclusion that concerned place has not been on the territory of Manchuria (Argun version of Zoriktuyev) or Western Buryatia (Chagdurov, Kononovlov) but on the territory of Uryankhay (modern Tuva).

Keywords: history, ethnography, hypothesis, arguments, ethnicons, Ancient Turks, Mongols, Ergune-Khun, Uryankhay, Tuva, Mongolia.

---

¹ Абаев Николай Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета.

В отечественной и зарубежной литературе существует несколько разноречивых версий относительно прародины «всех монголов» — мифической (точнее, легендарной) страны *Эргунэ-Хун* (*Эргуне-Кун*), которую источники описывают как горную котловину, окруженную со всех сторон крутыми хребтами, расположенными в форме почти правильного круга (т.е. подобно огромному перевернутому колоколу). По преданиям, зафиксированным в знаменитых летописях Рашид-ад-Дина, «все монголы», среди которых были и урянхайцы (*урянкат*, *уряnx*) — предки современных тувинцев, вышли из этой горной местности, которую Б. Р. Зориктуев, следуя версии японского ученого Сиратори Куракити, первоначально располагал в бассейне реки Аргунь (Маньчжурия, КНР), поэтому сам топоним «Аргунь» он этимологически отождествляет с «*Эргунэ-Хун*» (Зориктуев, 1997: 20-21).

В данной статье ставится задача на основе анализа некоторых этимологических связей этнопонима «*Эргунэ-Хун*» с названием легендарной прародины тюрков «*Эргенекон*» и древним названием Тувы — «Урянхай» показать, что все три этнопонима имеют общие истоки и указывают на одну и ту же территорию в восточной части современной Республики Тыва на стыке границ с Бурятией и Монголией. Критический анализ версий бурятских ученых Б. Р. Зориктуева, С. Ш. Чагдурова и П. Б. Коновалова позволил также уточнить местоположение прародины **одновременно** и тюрков, и монголов на территории древнего Урянхая, которая, как мы полагаем, наиболее соответствует средневековым описаниям этого

места и находится в центре пограничной зоны между тюркским и монгольским мирами, на стыке наиболее интенсивного пересечения этнокультурных связей между двумя родственными суперэтнотами. Потому представляется вполне логичным наличие у прототюркских и прамонгольских племен общей мифологемы, указывающей на общую прародину.

В «Сборнике летописей» знаменитого персидского историка Рашид-ад-Дина отмечается: «Примерно за две тысячи лет до настоящего (времени) у того племени, которое в древности называли монгол, случилось распря с другими тюркскими племенами и закончилась сражением и войной. Имеется рассказ (...) заслуживающих доверия почтенных лиц, что над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение (среди) них, что (в живых) осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом... Название этой местности Эргунэ-Кун. Значение слова кун — косо-гор, эргунэ — крутой, иначе говоря, «крутой хребет». А имена этих двух людей Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножились. Каждая их ветвь стала известной под определенным именем... В настоящее время у монгольских племен так установлено, что те, которые появились от этих ветвей, чаще всего состоят меж собой в родстве, и монгол-дарлекины — суть они» (Рашид-ад-Дин, 1952: 153-154).

Из летописей Рашид-ад-Дина следует, что в котловине Эргунэ-Хун размножившимся монголам стало тесно, и они вышли оттуда, расплавив богатой железной рудой крутой склон и сделав проход сквозь горный хребет, расселились на просторах степи. При этом персидский историк указывает, что двумя прапредками этих людей были Нукуз, легендарный предок тюрков, который одновременно почитался тюрками как «прародитель Ной (тюркск. Нух)», и Киян, который считался предком царского рода Кият-Борджигин, из которого происходил сам Чингис-Хан, впервые объединивший всех тюрков и монголов Центральной Азии, а затем и всей Великой Евразийской Степи в одну «татаро-монгольскую» державу. Очевидно, что эта горная страна, которая в легендах и мифах как тюрков, так и монголов стала почитаться как их историческая родина. Она расположена на Саяно-Алтайском нагорье предки монголов Чингис-Хана перекочевали туда с юга, а конкретнее — из Восточного Тибета, как об этом сообщается в других исторических источниках, а на юг они переместились еще в период создания Империи Хунну все из той же саяно-алтайской прародины, будучи этногенетически связанными с «сибирскими скифами», как и тюрки (подробнее см.: Абаев, 2005: 61-69). Тюрко-язычные же этносы Юго-Западной и Южной Сибири, этногенетически связанные с финно-угорскими этносами Протоуралии и принадлежащие к теле-уйгурской и уйгур-урянхайской группе, а также шорцы и хакасы, по нашему мнению, являются автохтонными насельниками этой этнокультурной зоны, значительную роль в формировании которой на первоначальных этапах эт-

ногenezа еще в эпоху бронзы и раннего железа сыграли так называемые *скифы* и гунны-хунну — прямые предки тюрков, а также и монголов (там же: 5-9).

Представляется также очевидным, что версию о происхождении «всех монголов» из одной легендарной прародины следует увязывать с древнетюркскими легендами о своей прародине *Эргенекон*. Во-первых, до эпохи Чингис-Хана (XIII в.) тюркоязычные и протомонгольские этносы жили чересполосно. Во-вторых, их этногенетические связи тесно переплетались, да и вообще в полном смысле этого этнополитонима термин «монгол» есть «изобретение» самого первого «Великого Монгола», «Сына Неба» Чингис-Хана. Тем самым он хотел сплотить всех тюрко-монголов, включая все предшествующие тюркоязычные этносы, входившие в ту часть суперэтнической общности, которая называлась «татары», в единый монолитный суперэтнос, объединяющим началом которого явилась общая тюрко-монгольская религия **тэнгрианство**. Она имела бесспорное тюркское происхождение, но оказала огромное влияние на этнокультурогенез монгольских народов (Абаев, Аюпов, 2009: 41-59).

Поэтому несомненным представляется тот факт, что самой первоначальной прародиной как тюрков, так и монголов является северная часть Внутренней Азии, т.е. Южная Сибирь (особенно — Саяно-Алтайское нагорье), где находилась и прародина скифо-ариев (сако-скифских племен), которые вместе с гуннами (хунну) приняли непосредственное участие в этногенезе как тюрков, так и монголов. Поэтому представляется вполне логичным, что эта общая прародина скифо-

арийских и «туранских» этносов должна находиться в одном месте, на максимальном «пересечении» этногеографических, а значит и этногенетических, этнокультурных и этноконфессиональных связей сибирских скифов, прототюрков и прамонголов, а именно — в горно-таежной части Южной Сибири.

При этом следует учитывать, что древнейшим этногенетическим ядром прототюрков были уйгуры и родственные им урянхайцы. Именно поэтому центральная часть этой горной страны от Алтая до Восточных Саян называлась «Танну-Урянхай», а этимология слова «уйгур» напрямую связана с этногеографическим понятием «лесные народы» (*ойрат*, предположительно от «ой» — «лес», «арат» — «народ»). По такому же принципу, по-видимому, образовано и словосочетание «хоин-урянх» — «лесные урянхайцы»), а сам этноним уйгур буквально означает, по нашей интерпретации, «народ из горной долины». П«уй» может означать как горную долину или котловину, так и пещеру или волчью нору, из которой произошел предок уйгуров Огуз-Хан, вскормленный волчицей. Слово «гур» явно связано с тотемным предком скифов «Олень Золотые Рога» и с общим метаэтнонимом скифо-ариев и тюрко-монголов «народ хор», означающим «народ Солнца», а также этногеографическое понятие «страна Хор» (Хоорай, Хонгорай), локальным, «диалектным» вариантом которого и является «Урянхай» (Абаев, 2005: 57-81).

О том, что Эргенекон и есть Эргунэ-Кун, т.е. что это одно и то же место, и о продолжительности пребывания двух предков «всех монголов» по имени «Киян» и «Нукуз» на своей прародине можно найти указания (причем в го-дах) в

сочинении хивинского хана чингисида Абуль-Гази (1603-1664) «Родословное древо тюрков»: «Более 400 лет они жили в Эргене-кон. Им стало тесно... Стали искать дороги для выхода. Таким образом они выбрались из теснины и **возвратились в юрт праотцовский**... Так через 450 лет монголы отомстили за кровь свою и за имение свое и **стали жить в юрте прадедов**. Татары некоторых областей, соединившись с монголами, стали сами себя называть монголами» (Абуль-Гази, 1906: 33-34). Поэтому бесспорной представляется и этимологическая связь между этнотопонимом Эргенекон и племенным названием «аргун» (варианты: *аргын*, *аригун*), связанным со множеством тюркских топонимов — Орхон, Аргун, Арын, Арыг-Узуу, Аргы, Аргу и т.д.

В связи с этим большой интерес вызывает этногенетическая концепция уйгурского ученого Тургуна Алмаса о прародине тюрков-теле, в частности теле-уйгуров, ближайших этнических родственников урянхайцев (с точки зрения этногенетических связей, тувинские урянхайцы являются, по нашему мнению, *северными уйгурами*, а потому до недавнего времени назывались «*уйгур-урянхами*»), изложенная в его фундаментальном исследовании «Уйгуры» (Алматы, 2008). Он пишет: «Согласно предположениям крупнейших исследователей Центральной Азии в области геологии и археологии, примерно восемь тысяч лет тому назад в природе Центральной Азии произошли огромные изменения, выразившиеся в засухах. Это явилось причиной того, что наши предки были вынуждены переселиться на восточные и западные просторы Азии. В то время, часть наших предков, живших в вос-

точной части Центральной Азии, и именно, в районе Таримской долины, переселилась за Алтай, а именно в район современной Монголии и озеро Байкал (в древние времена оно называлось «Байкель— богатое озеро»). Переселившиеся в 840 году нашей эры из Монголии Синьцзянь (т.е. Уйгуристан, «Восточный Туркестан». — *Н.А.*) восточные уйгуры являлись, таким образом, потомками тех, кто восемь тысяч лет тому назад переселился из Таримской долины в Монголию и окрестности Байкала» (Алмас, 2008: 7).

Говоря об этногенетических связях между теле-уйгурами, тюрками-огузами и мифическими «динлинами» Саяно-Алтая, а значит и уйгур-уряньями, предками современных тувинцев, Т. Алмас пишет: «Если древнекитайский историк Сыма Цянь (родился около 145 года до нашей эры) в своей книге «Исторические записки», в главе «Повествование о гуннах», называет предков уйгуров «динлинами», то Бань Гу (жил с 32 по 92 год до нашей эры) в своей «Хронике династии Хань. Повествование о гуннах» называет их — «дили». Обозначения «динлин» и «дил», применяемые Сыма Цянь и Бань Гу, есть не что иное как китайская транскрипция слова «тура». Именно эти **туры** и являлись предками восточных **уйгуров**, живших за несколько веков до нашей эры в окрестностях озера Байкал. В связи с тем, Сыма Цянь и Бань Гу не имели возможности что-либо сказать по поводу западных **туров**, живших за несколько столетий до нашей эры на территории, начиная от берегов Иртыша и до Байкала, они не упоминают о западных турах в своих произведениях» (Алмас, 2008: 11).

В целом соглашаясь с этой версией, мы можем лишь добавить, что уйгур-урянхов Саяно-Алтая точнее следовало бы называть не «восточными» а «северными уйгурами» или «северо-восточными».

Выдающийся бурятский ученый С. Ш. Чагдуров на основе обширного свода историко-лингвистических, мифологических, этнографических и источниковедческих данных дает четкую и конкретную локализацию Эргунэ-Хун в западной части Республики Бурятия, непосредственно на границе с Восточной Тувой (т.е. Тоджинским кожууном). Как отметил П. Б. Коновалов, «опубликованные им статьи на эту тему... красноречивы уже своими заголовками» (Коновалов, 1999: 123). Например, «Эргуне-Хун— прародина монголызычных родов и племен» (1997) и «Горная Бурятия — прародина всех монголов» (1998). В целом поддерживая версию С. Ш. Чагдунова, П. Б. Коновалов пишет, что его предшественник подошел к данному вопросу как филолог, сделав попытку лингвистического обоснования идентификация легендарного Эргунэ-Куна и его героев — Бортэ-Чино, Кияна и Нукуса — с этническими и топонимическими реалиями Восточно-Саянского и Хамар-Дабанского горного узла, названного им Горной Бурятией. Он впервые среди исследователей обратил внимание на целый ряд антропо-этно-топонимических соответствий в исторических источниках, эпосе «Гэсэр» и географической номенклатуре современного Окологбайкалья (Коновалов, 1993: 168-172; Он же, 1999: 190-193).

Ввиду этого, с «определенной долей сомнения», как он пишет сам, П. Б. Коновалов «условно принимает предло-

женную С. Ш. Чагдууровым реконструкцию названия Эргу-нэ-Хун, которое он предлагает *Эрхуу-Нэхун*» (Коновалов, 1999: 123-126). В таком варианте прочтения первая часть этнотопонима совпадает и с названием р. Иркут (бур. – монг. Эрхуу, что по значению Чагдууров связывает с термином **ergu** – мужская сила, а в корневой основе лежит древнейший корень из группы **ар//эр//ор//ур**, выражающих понятия, относящиеся к мужскому, отцовскому началу). Вторая же часть перекликается с именем одного из ушедших в Эргуне-Кун братьев (*Нукус*, в разночтении — *Нэкус* или *Нэкун//Некун* — хорошо известное из «Сокровенное сказания монголов» имя). В основе этого термина лежит корень из группы **ах//эх//ох//ух//**, преобразуемых древнейших **ан//эн//он//ун** — корней со значением женского, материнского, начала. В силу этого, по реконструкции С. Ш. Чагдуурова, с термином **нэкун ~ нэхун** может быть связано название р. Ока (бурят. Аха) — главный гидроним в горном Окинском районе Бурятии в Саянах (Чагдууров, 1997; 1998).

В связи с этим местом из летописей Рашид-ад-Дина, где упоминается имя *Нукуз*, ученый из Внутренней Монголии Сайшиял пишет: «Если сослаться на это сочинение, то получается, что древнейшие племена монголов воевали против других племен и уничтожили себя в бесконечных войнах. Историк Ту Жий упомянул в этой связи войну между тунгусским князем и гуннским Метеу Цэн Иой. Итак, местечке Ноху (в «Собрании сутр», т.е. «Сборнике летописей» пишется «Нукус», в сочинении «Начало и конец дел Южной Монголии» — «Ноку», в «Истории монголов Доссона» — «Тэ-

гус». — Н.А.) остались двое мужчин и две женщин по прозвищу Киан. Они перекочевали в горное местечко Эргунэ Хон, богатое тучными пастбищами, чистыми водами, заросшее лесом, и стали жить (Сайшиял, 2009: 144-145).

В связи с именем предка тюркоязычной части монго-лотатарских племен — Нукуза, который идентифицируется с именем прародителя всех тюрков, «пророка Ноя» (казахск. — *Нух-Пайгамбар*) про племя *урянка* Рашид-ад-Дин писал: «Это племя пошло от рода вышеупомянутых *Кияна* и *Нукуза*, имеется другая группа, которую называют «лесные урянкаты», но эти [последние] отличаются от них. Это лесное племя [находится] в пределах Баргуджин-Токума, там, где обитают племена: *кори*, *баргут* и *тумат*: они близки друг к другу. Их племена и [племенные] ветви, — как то было упомянуто в предшествующем разделе, — не есть коренные монголы. Урянкаты притязают на то, что они помогали и принимали участие в разжигании семидесяти очагов Эргунэ-Куна. У них есть такой обычай: когда падает много молний, они поносят и небо, и тучи, и молнии и кричат на них. Если молния упадет на животное и оно подохнет, они не едят мяса, а сторонятся и убегают от него. Они твердо уверены в том, что если они так поступают, то гроза прекратится. Другие монголы поступают, напротив: во время грозы они не выходят из кибиток и в страхе сидят [дома]. Есть рассказ, что в Могулистане бывают частые грозы. У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители [будто бы] видят, своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и

извивается, а из его пасти извергается пламя» (Рашид-ад-Дин, 1952: 156).

Кроме того, С. Ш. Чагдуровым в Горной Бурятии выявлена система топонимов с основой «мон», основные из которых: **Мон уула** у с. Монды, **Мон хада**, хр. **Монго** западнее с. **Хойто гол**, речка **Монгол** — приток река **Зуун Мурин** в Тункинском долине, местность **Монголжон** в долине р. Оки. Исходя из этого, Чагдуров приходит к выводу: «...Мнение Доржи Банзарова о том, что слово «монгол» образовалось путем сложения двух слов «**мон+гол**» совершенно верно. Следует только сделать одну оговорку... Вряд ли этот этноним возник в Южной Монголии, на берегах Желтой реки, как думал в свое время Доржи Банзаров. Самого этноса, который был назван этим словом, еще не было в ту пору, когда род Бортэ-Чино обитал в районе **Кукунора** у историков Хуанхэ. Там в ту пору могли быть только монголоязычные **тогоны** или (*ту-гухуни*), тоба (или даба), муюны (или *баяты*), но никак монголы. И поэтому этноним «монгол» мог впервые появиться только в III—VIII веках н.э. и только севере монгольского современного мира, т.е. на северо-востоке от озера **Хубсугул...**, там, где находятся вышеперечисленные топонимы» (Чагдуров, 1998: 192; см. также: Коновалов, 1999: 123-125).

П. Б. Коновалов не сомневается в том, что приход с юга племени предков Бортэ-Чино, т.е. «чиносцев» из племени «киян» (по-хуннусски — «хуян») на «землю Дзад» в Северной Монголии в район к востоку от озера Хубсугул (Коновалов, 1999: 34). При этом он утверждал, что данные миграции «нельзя считать единовременным конкретно-

историческим актом, так же как спорно предложение, что это историческое лицо». Его «правомерно рассматривать в качестве мифологического персонажа, в котором заложено в тотемической форме представление монголов об их происхождении, воплощено их родовое самосознание» (Коновалов, 1983: 36-46). С. Ш. Чагдуров считал, что это — «север Монголии», «район четырех бурятских аймаков Присаянья» (Чагдуров, 1998: 79), но мы считаем, что это — не что иное, как «Чатская земля», т.е. восточная высокогорная часть Тувы, вплотную прилегающая к Окинскому и Тункинскому аймакам Бурятии, где до сих пор проживают близкородственные тоджинцам сойоты, а в домонгольскую эпоху проживали различные урянхайские племена, родственные тоджинским племенам (*ак, кол, бараан, хойук* и др.).

Дополнительным аргументом в пользу нашей версии о местоположении как Эргунэ-Хун, так и Эргенекон, в Восточной Туве (т.е. древнем Урянхае) служит этимология самого этнопонима *Урянхай*, который явно делится на две части, обозначающих соответственно мужское и женское начала: 1) «Ур» — «Восходящее Солнце», «ярость», «свирепость», «воинственность» (ср. древнерусск. — Бог Солнца *Ярило* и производное от него «ярость»). При этом «ур» является обычным сокращением имени Верховного Бога урянхайцев — Курбу-сту, которое, в свою очередь, является тувинизированным (диалектным) вариантом произношения имени Верховного Бога скифо-ариев *Хормазд* (бур.-монг. — Хормуст-Тэнгри) и органично вписывается в этимологический ряд, имеющий ярко выраженный «мужской характер» и явную связь с

понятиями «Солнце», «мужчина», «янское начало»: /х/ор, ар, эр, ир, ер и т.д. К первой части данного трехсложного онима, как мы считаем, примыкает корнеслово «ан», представляющее собой сокращение от «хан», «ган» — «гора», в смысле «царь-гора», «Гора-Царь», «бог» (ср. Хайыракан — Медведь-гора, Царь-гора), а вторая часть состоит из «хаяа» — «утренняя заря». В результате получаем примерно следующее: «Горная котловина, из которой восходит солнце», т.е. выходит Бог Солнца, что полностью соответствует скифоарийской мифологеме о том, что священный «Олень Золотые рога», тотемное божество скифов-саков, выносит Солнце из жерла вулкана на своих рогах.

Что касается топонима «Аргунь», на котором Б. Р. Зориктуев строит свою версию, располагая его в Маньчжурии, то его этимологическая связь с чисто тюркскими этнонимами является твердо установленной, причем такие авторитетные в этих вопросах казахские ученые, как Ж. Байжумин (2009) и К. К. Томпиев (2009), однозначно утверждают, что этнонимы древних тюрков, как правило, *предшествовали* топонимам, поскольку были образованы от имени прародителя данного рода-племени, которое могло оказаться в любой, даже самой окраинной части Евразии, в том числе в Маньчжурии на реке Аргунь, но логика нашей аргументации как раз и заключается, что самый первоначальный топоним, образованный от названия так называемого «предкового рода» должен находиться ближе к географическому центру этногенеза прототюрков. Как мы уже отмечали, древние урянхайцы действительно доходили до Маньчжурии (вплоть до Кореи) и ос-

тавляли там свои этнотопонимы (Абаев, 2005), что вовсе не означало, что это их прародина, а которой они постоянно помнили и неоднократно возвращались. Если следовать логике Б. Р. Зоригтуева, то Эргунэ-Хун следует искать на Кавказе, где тоже есть Аргунь.

Однако на основании вышеизложенного можно утверждать, что этот этнотопоним действительно связан и с Эргенекон, и с Эргунэ-Хун, но через древнетюркский этноним аргын, а также через понятие «Царь-Солнце» (тюркск. варианты — орхон, аргун, урхан, урген), восходящее к имени одного из первых скифских царей — Колок-сай (при тюркизации здесь имеет место переход «кол» — «хор», где это корнеслово одинаково означает человека царского/каганского/ханского рода; ср. — Куль-тегин), а *ар/эр/ер/ур/ор* во всех вариантах обозначают мужское-солнечное начало, в чем мы полностью соглашаемся с С. Ш. Чагдуровым и даже в меру своих лингвистических способностей стараемся развивать его ностратическую теорию в части этногенеза тюрко-монгольских народов Внутренней Азии (см.: Абаев, 2005). В его интерпретации второй части этнотопонима Эргунэ-Хун как «нэхун» — «яма» действительно присутствует связь с женским началом, но не через само понятие «яма», а через имя Нукуз, который произошел из волчьего логова. То есть в монгольском этнотопониме связь с женским началом идет от тотемного предка тюрков — волчицу, а также, вероятно, через этноним уйгур, который указывает на происхождение предков всех тюрков из пещеры/горной долины/ущелья/горной котловины, которые, впрочем, все равно так или иначе связаны с ар-

хетипом женского лона, представленного в данном случае пещерой или котловиной. Вместе с тем, представляется вполне доказанным, что те пласты этнотопонима Эргунэ-Хун, которые связаны с древнетюркской мифологией, явно более архаичны, чем монгольские напластования

Таким образом, анализ версий бурятских ученых Б. Зориктуева, С. Ш. Чагдурова и П. Б. Коновалова и сопоставление этих версий с данными исторических источников позволяет уточнить местоположение прародины, как тюрков, так и монголов, и идентифицировать ее с территорией древнего Урянхая. Ее мы рассматриваем как наиболее совпадающую со средневековыми описаниями этого места, к тому же находящуюся в центре пограничной зоны между тюркским и монгольским мирами. Это дает основания предполагать, что в средние века размеры «Большого Урянхая» значительно превосходили современные административные границы Республики Тыва и включали в себя значительную часть территории Западной Бурятии и Северо-Западной Монголии. Эти сопредельные земли населяли не только так называемые уйгур-урянхи, прямые предки большинства тувинских родов и племен, но и родственные им этносы и этнические группы, влившиеся в состав монголов и бурят: сойоты, тофалары, цаатаны, гураны, дауры, буруты, саха-урянхайцы и др. При этом нужно также учитывать, что языковая «монголизация» западной части Бурятии началась только в эпоху Чингис-Хана (до этого подавляющее большинство родов и племен, населяющих весь Циркум-Байкальский регион было тюркоязычным) и начинается завершаться только с приходом рус-

ских, а у некоторых ныне обуряченных этносов (сойотов, тофаларов) тюркский язык в различных вариантах тоджинского диалекта тувинского языка сохраняется до XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Абаев, Н. В. (2005) Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. Кызыл : Изд-во ТывГУ.
- Абаев, Н. В., Аюпов, Н. Г. (2009) Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Ч. I. Тэнгрианство и этноэкологические традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Абакан.
- Абуль-Гази (1906). Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова, послесл. и примеч. И. О. Катанова. Казань.
- Алмас, Т. (2008) Уйгуры / Перевод Хамита Хамраева. Алматы : Издательский Дом «Мир».
- Байжумин, Ж. (2009) История рождения, жизни и смерти пастуха Авеля. Арийский лексикон. Алматы.
- Зориктуев, Б. Р. (1997) Прибайкалье в середине VI—начале XVII вв. Улан-Удэ.
- Коновалов, П. Б. (1983) К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ.
- Коновалов, П. Б. (1993) К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Коновалов, П. Б. (1999) Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН.
- Рашид-ад-Дин (1952). Сборник летописей. Т.1, кн. 1. / Пер. О. И. Смирновой. М. — Л.
- Сайшиял (2009) «Сказание о Чингисхане». Пер. со старомонгольского Н. Очирова // Чингисиада. В 3-х томах. Т. 2. Агинское — Улаан-Баатар.
- Томпиев, К. К. (2009) О тюркских племенах и народах Азии и Европы. Алматы : КазАқпарат, 2009.
- Чагдуров, С. Ш. (1997) Эргунэ-Хун — прародина монголыязычных родов и племен // Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.). «Доклады Российской делегации». М.
- Чагдуров, С. Ш. (1998) Горная Бурятия — прародина всех монголов // Филологический сборник. Улан-Удэ.